

А.А. Илюшин

К ИСТОРИИ АНТРОПОНИМА ДОН КИХОТ / ДОН КИШОТ

Аннотация

В статье рассматривается история бытования имени героя романа Сервантеса в русской культуре XVIII–XXI вв.

Ключевые слова: имя, антропонимика, Дон Кихот, донкишотство, русская литература.

Pyushin A.A. On the history of anthroponimics: Don Quixote / Don Quishote

Summary. The article deals with the associative variations of the name of Don Quixote in the context of Russian literature of XVIII–XXI centuries.

В XVIII – первой трети XIX в. в России Дон Кихот чаще именовался Донкишотом, т.е. не на испанский, а на французский манер, равно как имя другого знаменитого испанца, будь то Хуан или Гуан, порой подменялось офранцузенным вариантом Жуан (занятно, что в гончаровском романе «Обрыв» героиня видит в своем знакомом черты то Дон Кихота, то Дон Жуана: весьма странное сближение одного с другим).

Итак: Гуан – Жуан; Кихот – Кишот. Чередующиеся согласные внутри той и другой пары – задненебный и шипящий. В первой паре корреспондируют «Г» и «Ж», во второй «Х» и «Ш». Словно бы память о наследстве, доставшемся нам от глубокой древности, когда продуктивно взаимодействовали указанные звуки. В самом деле: Богу – Боже, грех – грешник...

Нечто из области антропонимики: что нам подскажет и подскажет ли имя Дон Кишот?

Один из самых ранних русских переводов романа Сервантеса опубликован в 1769 г. Перевод, конечно, с французского (испанским тогда мало кто владел). Переводчик, предположительно, И.А. Тейльс. В названии значится имя главного героя – Дон Кишот. Лексикон русского языка XVIII в. изобилует словами, производными от этого имени, разными частями речи – существительными, глаголами и прилагательными: донкишотизм, донкишотство, Дон Кисхотисмо, Дон Кишотов, Донкишотский и даже затейливое словцо донкишотствовать.

Не менее интригующей представляется загадочная словоформа «Кисхотисмо». Попробуйте доказать (а ведь так оно и есть), что здесь конечное «о» признак среднего рода существительного. Нелегко, хотя и возможно. Или то, что буквосочетание «исм» не что иное, как вариант суффикса «изм» (и такое бывает). Или, наконец, согласиться с тем, что рассматриваемый антропоним не возбраняется произносить словно бы на французский лад, в результате чего «Кисхот» займет свое место где-то между Кишотом и Кихотом (впрочем, этот сюжет продолжения не получил).

Между тем завершался XVIII в., наступило новое столетие. Постепенно забывалось имя несравненного идадьго – имя, оснащенное литерой «ш», – и звучало иначе: Дон Кихот. Не по старинному, а современно. Впрочем, подчас давала о себе знать и архаика, и модернизация. Это, к примеру, когда в позднейших публикациях предпочтение отдается устаревающим правописательным нормам («Кишот» вытесняет «Кихота»), либо, напротив, предпочли что-нибудь поживее и посвежее («Кихот» вытесняет «Кишота» – каждому свое).

Неожиданным образом имя Дон Кишот появилось на страницах пушкинской «Капитанской дочки» в пропущенной главе этого произведения, где Швабрин угрожает своему милейшему недругу и его семье тем, что сожжет «анбар», в котором они укрылись от посягательств злодея. К тому же оскорбляет Петрушу, называя его «Дон Кишотом белогорским», да еще и «рыцарем». В его устах такие слова звучат издевкою. Мотивы рыцарства варьируются в разных сочинениях Пушкина, но прямого отношения к «Капитанской дочке» они не имеют. И мало чем похож ее умеренный центральный персонаж на рыцаря безумного Кишота.

Упоминания о Рыцаре печального образа, каковым именовался Дон Кишот, находим у самых крупных писателей: Державина, Радищева, Карамзина, Жуковского, Пушкина. Их отзывы, мягко говоря, не слишком положительные. Первый из названных похвалил Екатерину II за то, что государыня не «донкишотствует», т.е. не подражает Дон Кишоту. Карамзину надоело скитаться по свету, уподобляясь странствующему рыцарю, о котором в ироническом тоне писал и Радищев. Умолчим о безымянных борзописцах, лихо поддерживавших невыгодную репутацию сервантовского героя: фантазер, безумец, мечтатель, идеалист и пр. И грубее: сумасшедший, сумасброд. И противоречиво: хитроумный, наивный. И насмешливо: забавнейший, мудрейший. И понятно какой: храбрый, рыцарственный. И непонятно какой – неизъяснимый.

Всех нежнее – и осторожней – из перечисленных выше литераторов прикоснулся к нашему герою Жуковский, чего и следовало ожидать – поистине добрая душа. В самом начале нового столетия создал цикл стихотворений «Из Дон Кихота». Стихи как стихи, средней пробы, но завершаются необычным катреном – эпитафией рыцарю, чье имя начертано привычным для нас способом: не через Ш, а через Х. Так в общем названии всего цикла. Текст же эпитафии следующий:

*Здесь тот покоится, кто целый век скитался,
Был добрый человек, и свято чтил закон,
Когда б забавнейшим безумцем не был он,
Тогда б из мудрецов мудрейшим почитался.*

(Заметим попутно, что посредником между Жуковским и Сервантесом был французский писатель Флориан, перелавший произведения испанского писателя на свой родной язык.)

Что же касается причины, согласно которой Пушкин не мог или не хотел в написании рыцарского антропонима использовать орфографию, принятую учителем (Жуковским), то объяснить подобную странность представляется делом несложным: пусть офицер той (пугачёвской) эпохи изъясняется сугубо по-тогдашнему (не «Кихот», а «Кишот»). Иначе получится какой-то в своем роде стилистический антиисторический анахронизм, «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний».

Лишь достигая развязки романа «Дон Кихот», читатель наконец уясняет, каково же настоящее имя главного героя: Алонсо Кихано! Обращает на себя внимание некая сопоставимость созвучий. Два ассоциативных ряда, где подлинное имя героя сцеплено с псевдонимами: Кихано / Кихот / охота / недоброхот и Кихано / Кишот / кишмя кишат / кишка кишке кукиш кажет и пр. Который из этих рядов предпочтительней? Дело вкуса. Важнее почувствовать, что имя Кихано уже не рыцарское, а скорее домашнее, обыденное (в отличие от псевдонимов). Вернувший его себе герой вовсе уже и не психопат, а просто нормальный пожилой мужчина (готовый достойно встретить неизбежную смерть).

Явление Дон Кихота не осталось незамеченным русскими литераторами середины второй половины XIX в. О нем думали, говорили, спорили Белинский и Герцен (критика и публицистика), Островский (драматургия) и Достоевский (психологическая проза) и Ап. Григорьев («в этом донкихотстве диком» – из поэмы «Venezia la bella»).

Особенно интересной представляется статья-лекция Тургенева «Гамлет и Дон Кихот». И тот и другой мудрецы, хотя каждый не в своем уме. Кихоту пришлось пострадать наиболее тяжело: незадолго до кончины рыцаря его топчет ногами большое стадо свиней. Почему, зачем это понадобилось Сервантесу – вводить в роман такой эпизод? Ответить на этот вопрос было бы затруднительно, не прочитав в тургеневской статье абзац, начинающийся словами: «Многие восставали», и не вспомнить евангельское наставление (Матф. 7, 6).

К вящему исходу позапрошлого столетия увидела свет героическая комедия Ростана «Сирано де Бержерак», мастерски переведенная на русский язык Т.Л. Щепкиной-Куперник. Там один граф задает главному герою вопросы, а тот на них отвечает. Вот отрывок из их разговора:

- Скажите, Вы читали Дон Кихота?
- Читал.
- И что вы скажете о нем?
- Что шляпу снять меня берет охота
При имени его одним.

Послышав имя (одно только ИМЯ!) заочно чтимого им рыцаря, Сирано охотно снял бы шляпу – в знак уважения к нему. Такова уж притягательная сила поэтической антропонимии. Кихот щедро наделен ею (этой силою). Да и Сирано не из числа отстающих. Несмотря на свой пиетет к Кихоту, называет его по-французски с гасконским выговором – хурлюберлю (т.е. чудачком, сумасбродом). Им бы для компании раздобыть еще одного забияку-гасконца – желательно д'Артаньяна, который, кстати, однажды появляется на сцене. Славные ребята, «рождены под полуденным солнцем и с солнцем в крови», – восторгался Горький. Не то что мы, люди с прокисшей кровью.

Из истории нашей литературы в минувшем веке: что здесь все-таки нового? Допустим, дерутся двое. Нападающая сторона орудует чем-то тяжелым, т.е. наносит удары, противник обороняется, прикрываясь подушкой («древние только форсили сверкающими щитами: подушка!»). Вот мы пересказали своими словами эпизод драки из шукшинского рассказа «Микроскоп», но ведь точно этими же словами можно изложить эпизод поединка между Дон Кихотом и бискайцем. Случайность это или преднамеренная реминисценция – определить нелегко. Возможно, что невольное подражание.

В советское время Дон Кихот стал кумиром юных пионеров подросткового возраста. Впрочем, среди нас был мальчик-скептик, которому ничего не нравилось. Бывало, поем хором: Ваша подруга Рита / Очень на вас сердита, / Шлет вам подарок – / Букет фиалок... А он ворчит: глупо... зачем дарить цветы тому, на кого сердиться? И далее, из той же песни: Он был большой повеса, / С силою Геркулеса, / Храбрый, как Дон Кихот... А наш скептик опять за свое: да разве был он храбрым? Чепуха какая-то! Пожалуйста, вот из другой песни: на турнирах, на пирах и на охоте / Ходят слухи об отважном Дон Кихоте... и снова неприятие: якобы не был Кихот отважным, да и вообще его не было. Избави Бог от этаких судей.

Вчерашний день, часу в шестом. Вступаем в область современного анонимного стихотворства, где принято скрывать свое имя. Сочинен предназначенный для первопубликации акростих на тему о том, как рыцарь и его оруженосец решили отдохнуть и поиграть в шахматы. Имена персонажей (в отличие от авторских)

говорят сами за себя: Санчо, Донкишот, чей монолог охватывает весь текст этого стихотворения. Антропонимические ухищрения – см. богатое созвучие к словам «тонкий ход» – неброски. Идея проста и гуманна: любите слуг своих, будьте с ними на равных. Манера говорить – непринужденная, доверительная: задушевность интонации.

*Друг мой Санчо, отдыхаем?
Ой ли, в шахматки сыграем.
На вот, расставляй фигуры,
Кони – звери, пешки – дуры,
И король, и краля тут!
Шах и мат за пять минут!
Ох, какой недобрехот...
Тонкий ход, впрямь тонкий ход...*

Такую версификационную форму можно назвать дериватом русского четырехстопного хоря ААББввгг в его «гишпанском» варианте, поскольку нечто испанское там все же имеется. Безымянные строки, имитирующие ритмику «Поэмы о Сиде», побуждают вспомнить о других, ранних опытах в этом деле: Жуковский, Катенин, Пушкин, Козьма Прутков (пародии). Они в таких случаях обходились вообще без рифм: белый стих. Автор акростиха решил воспользоваться рифмовкой, да еще изысканной.

...Кому-то примерещилось странное, он вопрошал и сам же отвечал на свой вопрос: кто этот однурукий чудака, который сидит на лавке под деревенским навесом и ждет, когда ему дадут пообедать? Это Сервантес.